

На родине

Сто верст на север от Орла,
И замелькают наши крыши.
Река змеится вдоль села,
Горстями цвет роняют вишни.

О, среднерусская земля!
Мой отчий край — ее верхушка.
В подшалках избы вдоль плетня,
Как старец, ветхая церквушка.

Столетия канут и века,
Орловщина — Руси глубинка!
Все тот же шепот ручейка
И к храму в лютиках тропинка.

Как с алтаря святые лики
У повстречавшихся старух.
Быть может, всей Руси Великой
Хранится здесь бессмертный дух.

* * *

Моя родина кроткая, тихая
С малых лет до сегодняшних дней
Спеленала меня повилюкою
С побуревших отцовских плетней.

Что я значу без поля гречишного,
Без раки, без печали прудов,
Без садов с полужрелю вишнею,
Без проселочных пыльных следов?

Пусть я стану былинкою маленькой,
Желторотым стрижем, ручейком,

Мой отчий край

Только б слышать опять на завалинке
О политике спор мужиков.

С ними верить и снова надеяться,
Стопку-две закусить огурцом,
Может, все еще слепится, склеится
И «власть» повернутся лицом.

* * *

Березы в атласных обновах
И звонкая синь тополей,
Над кузницей в небе подкова,
И тянет навозом с полей.

Там, где-то в моей деревушке
Вновь день набирает свой ход,
На завтрак родная старушка
Лепешки на шкварках печет.

В корзинках хохлатые утки,
На стежке — из печки зола.
Там льдинки пробив, как скорлупки,
Рябушка воды отпила.

Там Зорька с боками худыми
На волю спешит за порог,
К ней тычется в теплое вымя,
На солнышке жмурясь, телок.

И мне среди улиц и скверов,
Средь жизни кипучей большой
Вновь хочется в счастье поверить,
К земле прикоснувшись душой.

Перепела

Степь, три сосны и брызгами цикорий.
Проселок раскалился добела.
Простор какой! Хлебов созревших море.
И лишь свистят, свистят перепела.

И я бреду, куда бреду, не знаю.
Мне б только слушать этот свист в тиши!
По краю ржи и по родному краю.
И нет важнее дела для души.

Размах какой! Наверно, время стало.
Звонят к заутрене колокола.
Лишь небо родины и в дымке дали,
Да где-то там во ржи перепела.

* * *

Зять погрузил незатейливый скарб,
Досками окна крест на крест забили,
Бабка всплакнула: «Ну, бабы, пока!»,
И «Жигули» на большак запыхлили.

Через неделю осунулся дом
И почернел, и осел, как могила.
И воротина расшамкалась ртом.
Видно, от ветра с петель соскочила.

Мучился долго ночами сосед —
Выла и выла забытая Мушка.
Все поджидала: затеплится свет,
И замелькает в окошках старушка.

Циркнет в сарае душистым парным,
Косточку в миску положит на ужин,
Выйдет, повесит сушить кубаны...
Тьма да луна отражается в луже.

* * *

В старом заросшем саду бабки Нюши
Спелый-преспелый налив,
Пес, вечно спящий, и ставенки в рюшах,
Сизый, как ночь, чернослив.

Маков головки, под грушею печка,
Мурзик, известный шельмец,
Красный линиялый петух над крылечком,
Хриплый дразнилка-скворец.

Память голубкою вьется над хатой.
Будто сейчас, наяву:
С выводком поздним пеструшка-хохлатка,
Хруст кочанов к Покрову,

Саночек липовых с Мишкиной горки
Снегом припудренный след.
Сны быстротечные, детства осколки,
Спутал спешащий рассвет.